

Все люди — уроды

Новый фильм Киры Муратовой вызывает как минимум шок

Валерий ТУРОВСКИЙ,
«Известия»

После картины почти десятилетней давности «Перемена участи» в творчестве Киры Муратовой произошел эстетический и душевный надлом. Сначала она перестала, как прежде, любить своих героев. Потом — уважать. Сейчас она их попросту ненавидит.

Это самым ярким и самым мрачным образом проявилось в ее новой, девятой по счету картине «Три истории». За столь невинным и бесхитростным названием скрылись такие адские страсти, такие неземные, ирреальные и скорбные бесчувствия, что просто берет оторопь: полноте, неужели всю эту фантастическую фантазмагорию смогла изваять такая хрупкая и крошечная женщина?

В фильме — три новеллы, три истории, которые сюжетно никак не объединены, что, впрочем, наверное, и не входило в режиссерский замысел. Если что их и объединяет, то это «нечеловеческий гуманизм» авторов. И стойкое чувство безразличия, доходящее до чисто физической тошноты по отношению к героям-уродам. На весь длинный, тягостный фильм приходится два-три более или менее нормальных лица. Все остальные — рожи, которые вслед за режиссером только и остаются, что презирать и ненавидеть.

Муратова помещает своих персонажей не на дне жизни, не в подземелье даже, а в преисподнюю. Зарезать, убить, удавить, утопить, отравить — самые занятные занятия, которым с нескрываемым наслаждением предаются герои этой страшной картины. Откуда и зачем эти нечеловеческие, вневещные увлечения — остается только гадать.

В первой, самой «человеколюбивой» истории фильма «Котельня № 6» герой актера Сергея Маковецкого перерезает горло соседке. Чтоб не ходила голым по коммунальной квартире. А потом на каких-то уродливых салазках привозит убиенную в котельную № 6 и требует от кохегара Гены, чтобы тот сжег труп в топке.

Талантливая камера оператора Геннадия Карюка изощренно и извращенно долго, много раз, крупным планом показывает перерезанное горло соседки. А в душевой котельной режутся три изощренных извращенца, которых за деньги пускает туда кохегар Гена.

В каком воспаленном сознании мог возникнуть такой огнендышащий сюжет — тоже остается гадать. Но сюжет этот уходит в никуда. Самый верный признак плохого кино — это когда напрочь стирается в памяти финал картины. Что сделали с трудом женщины, зачем герой Маковецкого слоняется по продуктовому

магазину?.. Неужели только затем, чтобы услышать финальную реплику: «Касса, баранину не выбивать!»?

Вся первая история сделана в антиэстетике истошного ора и крика. Все друг на друга орут, и все друг другу кричат, что-то похожее на «пошел вон». От этих воплей терзается последняя нить столь страшного и жуткого несюжета.

Страшного? Жуткого? Не видели вы еще страшного и жуткого. В новелле «Офелия», в которой модная сейчас Рената Литвинова выступает в качестве сценаристки и артистки, жутки и страхи будут побольше. Известна тяга Литвиновой к красоте жизни. Собственной. И к уродству жизни чужой. Чуждой. Ей и Кире Муратовой абсолютно безразличной. К которой они испытывают одну только безразличность.

Медсестра из предыдущей картины актрисы «Увлеченная» возвышенно произносит: «В морге хорошо, в морге прохладно, в морге тихо». Непростая Литвинова собирает в свои литературные опыты персонажей, стоящих на краю. Маргинальных. Моргинальных. Отправить своих любимых героев в морг — любимое занятие этой красивой и жестокой женщины. Для которой понятия жизнь и смерть — в одну цену.

Ее героиня Офа из новеллы «Офелия» удушает чулком женщину Таню за то, что та отказалась от своего младенца. Затем, провалившись в архив родильного дома, выясняет, кто та женщина, которая много лет назад отказалась от нее

самой, от Офы. И, выследив на берегу моря толстую некрасивую женщину, некогда бывшую ее матерью, сбрасывает старуху в воду. «Мама, это же хорошая смерть, это смерть, как у утопленницы Офелии», — говорит вослед погружающейся в пучину женщине добрая Офа.

Мотив смерти в ужасающем преломлении возникнет в последней новелле — «Девочка и смерть». В ней замечательно играет Олег Табаков. Он играет старика, делящего коммунальную квартиру с матерью-одиночкой. И когда мать уходит на работу, то она просит старика-соседа последить за пятилетней дочкой.

Герой Табакова — сама доброта. Он хочет научить девочку читать и писать, потому что ей через год в школу, а она ни черта не знает. Он хочет научить девочку играть в шахматы, но добрая девочка опрокидывает доску и кричит, кричит, кричит, как и персонажи предыдущих двух историй. Кричит, что он старый, что он скоро умрет, что «тогда мы с мамой займем его комнату».

Конечно, пятилетнее исчадие ада могло все это услышать из разговоров взрослых, поэтому так снисходительно слушает герой Табакова вопли дрянной девчонки. Но по могому замыслу драматурга Веры Сторожевой (а в «Трех историях», как видно, все замыслы исключительно могочие) нежное дитя додумывается до того, до чего бы в столь же нежном возрасте не додумалась бы даже сама Рената Литвинова.

Маленькая стерва на просьбу старика принести ему воды из чайника — приносит ему воду из чайника. Предусмотрительно подмешав туда крысиного яду: пожалуйста, пожалуйста, в морг.

Ничего себе история?!

Начиная с «Перемены участи» Кира Муратова использует один странный прием драматургического письма, в котором сейчас ей усердно помогает Рената Литвинова. Одну и ту же реплику персонажи на разные лады повторяют бесконечное количество раз. «Я не люблю мужчин, я не люблю женщин, я не люблю детей», — кажется, что раз восемьдесят говорит это героиня Литвиновой. «Я убил свою соседку» — эту фразу мелом на стене пишет герой Маковецкого. Потом печатает ее на машинке, потом еще и еще раз повторяет вслух. «Ты умрешь, ты умрешь, ты умрешь, ты умрешь!», — орет прелестное дитя из «Девочки и смерти». От этого действие стоит на месте, и без того хилые сюжеты начинают пробуксовывать, и все бы это было просто скучно, если не было бы столь страшно и бесчеловечно.

Больно все это говорить о режиссере, которого в прежних ее фильмах — «Короткие встречи», «Долгие проводы», «Познавая белый свет» — отличали внимание и любовь к человеку. Герои Владимира Высоцкого, Зинаиды Шарко, Нины Руслановой согревали то холодное и бесчувственное время, когда эти картины снимались. Теперь сама Муратова стала снимать холодные и бесчувственные фильмы.